

СТРАНИЦА ИЗ ИСТОРИИ АРМЯНО-РУССКИХ ОТНОШЕНИЙ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

(Новые документы об Иосифе Эмине)

Публикуемые документы позволяют несколько по-иному и более полно осветить события, связанные с пребыванием армянского политического деятеля XVIII в. Иосифа Эмина в Астрахани и Кизляре летом и осенью 1762 г. Наибольшую ценность представляют донесения в Коллегию иностранных дел астраханского губернатора В. Неронова и кизлярского коменданта А. Ступишина, а также письма последнего в Астраханскую губернскую канцелярию (док. № 1, 2, 3, 8). До сих пор была известна лишь краткая запись двух донесений Ступишина, сохранившаяся в «Дневной записке» Коллегии иностранных дел, где обычно в нескольких строках приводилось содержание входящих и исходящих бумаг¹. Ниже приводится полный текст этих донесений (док. № 1, 8).

Как перечисленные выше документы, так и другие (подорожные) позволяют прежде всего внести уточнения в части, касающейся сроков пребывания Эмина в Астрахани и Кизляре. Иосиф Эмин, как известно, выехал из Петербурга в Астрахань в марте 1762 г. Предполагается, что Эмин должен был прибыть в Астрахань в последних числах марта или в начале апреля. Но так ли было на самом деле?

В своем донесении от 14 августа (эта и последующие даты приводятся по старому стилю) Ступишин приводит слова Эмина о том, что в Астрахани он пробыл два месяца (док. № 1). Иосиф Эмин только что приехал из Астрахани в Кизляр и по свежей памяти не мог ошибиться, указывая срок своего пребывания в Астрахани. С другой стороны, ему незачем было умышленно приводить неточные сведения. Наконец, в донесении в Коллегию иностранных дел от 4 сентября губернатор Неронов со слов Ступишина приводит заявление Эмина о его двухмесячном пребывании в Астрахани (док. № 3). Ясно, что астраханскому губернатору также был хорошо известен срок проживания Эмина в Астрахани. И если в таком ответственном документе, как донесение Астраханской губернской канцелярии в Коллегию иностранных дел, указанный Эмином срок не опровергается, стало быть, он соответствовал действительности.

Во всех донесениях в Коллегию иностранных дел сообщается, что Иосиф Эмин прибыл в Кизляр из Астрахани 9 августа 1762 г. (док. № 1 и 2). Путь из одного из этих городов в другой обычно занимал около недели. Но если учесть, что в летнюю жару (документы свидетельствуют, что лето 1762 г. в Астрахани выдалось жарким²) проезд замедлялся, то возможно, что из Астрахани Эмин выехал в самом конце июля. Таким образом, он провел в Астрахани два летних месяца—июнь и июль и, стало быть, приехал туда примерно в конце мая 1762 г.

Как раз в те дни, точнее 26 мая, в Астрахань прибывает большая свита, сопровождавшая тело покойного царя Грузии Теймураза II. Этот факт, засвидетельствованный в «Донесении астраханской губернской канцелярии в Коллегию иностранных дел о

¹ См. А. Р. Иоаннисян, Иосиф Эмин, Ереван, 1945.

² В. Г. Мачарадзе, Материалы по истории русско-грузинских отношений второй половины XVIII века, ч. II, Тбилиси, 1968, стр. 537—538.

погребении Теймураза в Астрахани и отправке посольства в Грузию» от 25 июня 1762 г.³ на наш взгляд, имеет прямое отношение к путешествию Эмина из Петербурга в Астрахань. Имея намерение поступить на службу к Ираклию, Эмин, естественно, не преминул присоединиться к грузинской свите, которая так же, как и он, собиралась в те же сроки через Астрахань поехать в Грузию. Из упомянутого выше «Донесения» выясняется, что тело царя Теймураза было отправлено из Петербурга 7 марта 1762 г. Этим уточняется дата выезда Иосифа Эмина из Петербурга.

По прибытии в Астрахань Эмин не собирался поспешно ее покинуть. В его планы, видимо, входило установление личных и письменных контактов с руководством армянской астраханской колонии, с деятелями освободительного движения Армении и Грузии. Натура инициативная и деятельная, Эмин сплотил вокруг себя патриотически настроенную молодежь армянской колонии, из числа которой он составил себе вооруженный отряд. Наконец, во время пребывания как в Астрахани, так и в Кизляре он привлек к себе новых людей, которые стали его активными соратниками; в их числе мы видим поручика армянского эскадрона Сумбатова (док. № 1).

Картина станет более ясной, если учесть, что именно в Астрахани Иосиф Эмин стал выдавать себя за князя, т. е. за лицо, ответственное за судьбу армянского народа. Решение выдать себя в армянских поселениях России за лицо знатного происхождения, видимо, созрело у Эмина давно. Неспроста поэтому он потребовал в Петербурге изъять из его паспорта слово «купец».

Поведение Иосифа Эмина и особенно отношение к нему жителей армянских колоний показалось весьма подозрительным местным властям. «Ступишина испугало,— пишет акад. АН АрмССР А. Р. Иоаннисян,—не то, что Эмин называл себя «принцем», а как раз то, что он был «признан принцем» местным армянским населением, приветствовавшим его как грядущего освободителя Армении»⁴. Здесь необходимо добавить: испуган был не только Ступишин, но прежде всего сам астраханский губернатор.

Как выясняется из донесения Неронова в Коллегию иностранных дел, зерна подозрения были заронены еще в Астрахани (док. № 3). Губернатору Неронову показалось подозрительным, что армянская община Астрахани признала Иосифа Эмина за своего «принца». Подозрительными показались также слухи о его большой кредитоспособности, исходящие главным образом от английского (а не шведского, как до сих пор считалось) купца Рентля, на квартире которого он и жил в Астрахани. Таким образом, в целом Эмин не внушал доверия губернским властям, его действия явно были подозрительны Неронову. Собственно, этим и объясняется письмо (было бы точнее назвать его запросом) астраханского губернатора к канцлеру М. П. Воронцову от 26 июня, в котором он, видимо, рассказывал о поведении Эмина и запрашивал дополнительную инструкцию относительно его пропуска за границу. Интересно, что в донесении в Коллегию иностранных дел Неронов, проявив осторожность, представляет это письмо как ответ на рекомендательное письмо Воронцова, врученное губернатору самим Эмином (док. № 3).

Неизвестно, насколько продлилось бы пребывание Иосифа Эмина в Астрахани, если бы не весть о дворцовом перевороте 28 июня 1762 г., в результате которого на русский престол вступила Екатерина II. Хотя такая сенсационная новость, как дворцовый переворот, распространилась по всей стране наиболее быстрыми для того времени средствами, однако, как верно отмечает В. А. Хачатурян, вряд ли она могла достичь Астрахани (где о ней узнал Эмин) раньше середины июля⁵. Анализ документов и, в частности, переписки позволяет прийти к заключению, что в XVIII в. почта доставлялась из Петербурга в Астрахань (или обратно) примерно за 17—20 дней, а из Москвы в Астрахань за 11—14 дней. В те времена почту везли не медленнее, чем пас-

³ Там же, стр. 529.

⁴ А. Р. Иоаннисян, указ. соч., стр. 114.

⁵ В. А. Хачатурян, Армянская колония в Астрахани во второй половине XVIII века (рукопись канд. диссертации). Ереван, 1965, стр. 263—264.

сажиров, так что указанные сроки можно принять за средние показатели продолжительности пути между этими городами.

Можно предположить, что в июле Эмин не торопился покинуть Астрахань: то ли он еще не закончил своих дел, то ли ждал каких-то важных писем. Не собирался отправить его из Астрахани и губернатор, который дожидался от Воронцова инструкции насчет Эмина. Однако события в Петербурге, видимо, заставили Эмина поспешить с выездом за пределы России. 22 июля он подает письменное заявление губернатору Неронову и настаивает на пропуске через Кизляр за границу (док. № 3).

Нам представляется, что Неронов без особого желания отпускал Эмина, но у астраханского губернатора не было формального предлога для его удержания; не исключено, что, пропуская Эмина в Кизляр, Неронов приказал кизлярскому коменданту задержать его и выведать как можно больше сведений.

Как выясняется из публикуемых документов, весть о том, что Иосиф Эмин—армянский князь, дошла из Астрахани в Кизляр до приезда туда Эмина. Выясняется также, что в качестве подозрения кизлярский комендант выдвигал те же соображения, что и Неронов. И, наконец, что особенно важно, Ступишин под всякими предлогами старался удержать Эмина в Кизляре, т. е. фактически продлить срок его домашнего ареста (док. № 1).

В свою очередь, Иосиф Эмин в течение всего времени своего пребывания в Кизляре настоятельно упрашивал Ступишина пропустить его в Грузию. Заявление Эмина, что он ожидает указа из Коллегии иностранных дел, а также партии товара, было явной дипломатической уверткой с целью рассеять подозрения кизлярского коменданта. (Изучая донесение Ступишина в Коллегию иностранных дел, исследователь не должен обойти вниманием просьбу Эмина о том, чтобы кизлярский комендант «присылаемые от него письма верно в подлежащие места пересылал»—док. № 1. В Грузии Эмин, стало быть, собирался поддерживать связь со своими российскими соратниками). Наконец, убедившись в непреклонности кизлярского коменданта, Эмин, чтобы выиграть время, решает пойти на хитрость. Он заявляет Ступишину, что ему не хочется дожидаться в Кизляре решения своей участи, и он собирается поехать в Петербург (док. № 1, 2, 3).

Донесения Ступишина в Коллегию иностранных дел и его же письмо Неронову были помечены соответственно 14 и 15-м августа. Письмо астраханскому губернатору вез солдат, конвоировавший Эмина. В своем донесении в Коллегию иностранных дел Неронов сообщает, что первое письмо от Ступишина он получил 25 августа; таким образом, Эмин выехал из Кизляра после 15 августа и прибыл в Астрахань в день, указанный Нероновым (док. № 3).

Нам кажется, что в Астрахани Эмин надеялся добиться распоряжения губернатора о пропуске его за границу. В пользу этого предположения говорит его письменное заявление, поданное сейчас же по прибытии в Астрахань на имя Неронова, в котором Эмин настаивает на пропуске его за границу. Публикуемые документы, на наш взгляд, позволяют по-новому осветить действия Неронова в период вторичного пребывания Иосифа Эмина в Астрахани.

Приведенное в автобиографии Эмина известие о том, что губернатор Неронов, выдав ему паспорт, собирался отпустить его за границу, но полученное (второе по счету) от Ступишина письмо (в котором кизлярский комендант якобы заявлял о том, что «как командующий пограничной зоной он не может пропустить через границу Эмина»⁶) изменило планы Неронова,—это известие в свете нововыявленных документов нуждается в критическом анализе.

Прежде всего необходимо ответить на вопрос, мог ли Эмин знать текст письма Ступишина. И в автобиографии Эмина, и в монографии А. Р. Иоаннисяна указывается, что содержание письма Ступишина Неронов рассказал купцу Рентиллю, а тот в свою очередь передал его Эмину. Какая была необходимость сообщать частному лицу, да еще

⁶ А. Р. Иоаннисян, указ. соч., стр. 98—99.

иностранцу, содержание явно секретного документа, исходящего от должностного лица? Мы неслучайно поставили вопрос в такой форме, поскольку публикуемые документы свидетельствуют, что в действительности такого заявления со стороны Ступишина не было и не могло быть. Будучи лицом подчиненным, он никак не мог выставить перед губернатором столь категоричное требование о непропуске за границу Эмина.

Наконец, во втором письме Ступишина к астраханскому губернатору, содержание которого приводится в донесении Неронова в Коллегию иностранных дел, нет ни слова об этом требовании кизлярского коменданта (док. № 3). Если бы такой документ существовал, Неронов скорее всего сослался бы на него, поскольку он в значительной степени снимал с астраханского губернатора ответственность за его действия. Между тем во втором письме Ступишина речь шла о судьбе набранного Эмином в Астрахани вооруженного отряда, который, как выясняется, был отправлен за границу лишь после отъезда Эмина из Кизляра (док. № 3).

Теперь мы можем ответить на вопрос, почему астраханский губернатор пустил слух о требовании Ступишина не пропускать Эмина за границу. Неронов, опытный и осторожный администратор, выдав паспорт, тут же аннулирует его и отклоняет письменную просьбу Эмина о пропуске его за границу, мотивируя категорическим настоянием Ступишина. При такой постановке вопроса Эмин не остался бы в претензии на Неронова. Если бы выяснилось, что местные власти допустили ошибку в отношении Эмина (Неронова, видимо, беспокоил тот факт, что канцлер оставил без ответа его письмо), ответственность за задержку Эмина в России целиком легла бы на Ступишина. Любопытно, что в донесении в Коллегию иностранных дел Неронов подчеркивает, что отправляет Эмина в столицу по его устной просьбе, тем самым объясняя свои действия центральным властям. Однако вряд ли такая просьба имела место, поскольку Эмин стремился как можно скорее попасть в Грузию.

Таким образом, выясняется, что в судьбе Эмина в период его пребывания в Астрахани и Кизляре решающую роль сыграл не Ступишин, а Неронов. Первый был лишь послушным исполнителем воли астраханского губернатора.

Публикуемые документы позволяют с точностью до дня проследить путь Эмина из Астрахани в Москву. Выясняется, в частности, точная дата выезда Эмина из Астрахани—6 сентября 1762 г. (док. № 5, 6). Этим днем помечена подорожная за подписью Неронова, выданная Эмину и зарегистрированная в «отходящей книге» под тем же числом. Спустя шесть дней, 12 сентября, Эмин прибывает в Царицын, о чем имеется отметка в регистрации подорожной в царицынском почтовом правлении (док. № 5). Дата приезда Эмина в Москву известна—21 сентября; он находился в пути 15 дней.

В своей автобиографии Иосиф Эмин сообщает, что в понедельник утром он был на приеме у канцлера Воронцова⁷. Ближайший понедельник сентября 1762 г. после его приезда приходится на 23 число. Приехав в субботу, Эмин 23 сентября уже был принят канцлером.

Из приведенных ниже документов интерес представляют также факсимиле прошения о выдаче паспорта, написанного Иосифом Эмином на английском языке, и второе донесение Ступишина в Коллегию иностранных дел от 16-го сентября. Любопытно, что оно было отправлено в Петербург уже после отъезда Эмина из Астрахани (док. № 8). Этот документ—свидетельство того, что у местных властей появилась необходимость (не получил ли наконец Неронов ответ от канцлера на свое письмо от 26 июня?) еще раз остановиться на истории пребывания Эмина в Астрахани и Кизляре. Нелестно отзываясь об Иосифе Эмине (в письмах Ступишина проскальзывает пренебрежительное отношение реакционного царского чиновника и к армянскому народу), кизлярский комендант приводит в донесении явно вымышленные факты, стараясь тем самым объяснить и оправдать перед Петербургом действия местных властей.

Публикуемые документы выявлены нами в Архиве внешней политики России (АВПР) в материалах фонда «Внутренние коллежские дела» за 1762 г. (оп. 2, д.

⁷ Жизнь и приключения Иосифа Эмина (пер. с английского). Архив Ин-та истории АН АрмССР, д. № 47, л. 244.

3631). Исключение составляет док. № 4, хранящийся в Государственном архиве Астраханской области (ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 2338) и любезно предоставленный нам исследователем истории армянской колонии Астрахани В. Хачатуряном. Все документы, кроме № 2 и 10, являются подлинниками. Документ № 2 в общем повторяет содержание документа № 1, однако мы сочли целесообразным опубликовать его текст полностью, поскольку в нем имеются нюансы, которые могут оказаться важными для дальнейших исследований.

Ж. А. АНАНЯН

№ 1

1762 г. августа 14—Донесение кизлярского коменданта А. Ступишина в Коллегию иностранных дел о пребывании Носифа Эмина в Кизляре

Сего августа 9 дня прибыл сюда по паспорту, данному из Астраханской губернской канцелярии, армянин Носиф Эмин с показанными при нем в том паспорте набранными в Астрахани вооруженными служителями персической области армянами двадцатью человеками для проезде в Персию. И на другой день 10 числа вручил мне от астраханского губернатора господина действительного статского советника Неронова¹ письмо, которым он изъясняется, что тот Эмин—армянской природы—отправился чрез Кизляр в Персию, который ему рекомендован со мною прозбою от его сиятельства государственного канцлера сенатора и разных орденов кавалера графа Михаила Ларионовича Воронцова².

А в бытность де в Астрахани армяне признали ево за наследнаго своего принца; да он же де во многих государствах странствовал, а напоследок из Англии приехал в Россню и к его сиятельству ото многих знатных особ рекомендован, а при том и такой кредит ему дан: сколько он потребует денег, то везде получить может. И хотя он из себя не виден, только признал ево он, господин статский советник Неронов, || весьма умным и потому де догадывался он какие большие пропозиции и дела иметь будет и для того рекомендовал (так как и ему он рекомендован) в проезде его показывать бы к нему ласку.

Но и здесь, не зная ево ни один, а только из Астрахани будучи уведомлены, как сей... народ армянский знак почтения, яко владеющему своему принцу, приходом к нему, целуя руки и ползая на коленях, показывали, что он охотно от них принимал, о чем мне доныне было неизвестно, чрез что все почти армяне к нему обратились и милостей от него требовали. И я сей ево поступок за несходный с его паспортом разсуждая, притом ежели б и дозволено было ему сие звание для чего ни есть скрыть, не сходно б тогда сего было и принимать, почему я, ставя в подозрение, имел причину обстоятельнее выведать по

л. 2 пристойности; но чем далее тем час от часу подозрительнее мне казался, ибо в приход ево для обеда ко мне, когда многие штаб- и обер-офицеры были, при всех разговорах армянскую нацию точно своєю называл, тщеславяся притом, называя многих знатнейших особ в Петербурге своими друзьями, рассказывая и то, что он во время своего странствования был в нынешнюю войну³ при ганноверской армии под командою принца Фердинанда⁴, потом против французов в английском флоте, когда якобы французских сто двадцать кораблей сожжено, и наконец, || в кистринскую баталию⁵ с прусским самим королем⁶.

И при всем оном, когда мои речи далее ко изведанию склонились, тогда объявил: хотя он примечает, что мне о причине проезда и врученного дела ведать желается, но только он того открыть не может, а и известно будет по проезде ево месяцев чрез шесть; и просил меня, чтоб присылаемые от него письма верно в подлежащие места пересылал. А когда еще далее с ним разговор имел и объявил, что я, кроме как от астраханского губернатора рекомендаций, ниоткуда об нем никакого повеления не имею, тогда он отзывался: якобы вслед его ко мне из Государственной коллегии иностранных дел и от вице-канцлера его сиятельства князя Голицына⁷ обещано указ прислать; и при том, якобы в разсуждении запрещенного пропуска денег за границу, обнадежен был присылкою товаров, и хотя он сего, будучи в Астрахани два месяца, ожидал, но, видя перемену в России⁸, поехал, не дожидаясь, из Астрахани; и здесь не желает продолжитца, а по обеде, при выходе из моей квартиры приказал чрез армянского здешнего кизлярского шквадрона поручика Сумбатова мне объявить секретно, что он, будучи в Англии, получил родословие, по которому он точно персидский принц; да и господину полковнику Дебоутберху, который здесь в самарском полку состоит, тож объявил; и для того проезд ево скрытый, дабы магометанцы, уведав о сем, чего с ним сделать не могли, а заедет только || к грузинскому владетелю Ираклию⁹ повидатца.

После того на другой день, будучи я о том в сумнении, был уже у него, дабы и еще достовернее приметить, где во всем нашлись некоторые премежные объявления с прибавкою еще тою, что дело, которое зависит в нем, есть и к пользе Российского государства; а наконец, только в том признался, что он, хотя и принц подлинно, но для своей бедности никому не объявлял доныне, пока ево армяне за принца не признали. И ведая, как в Европе принцу себя содержать надлежит, чем ясны уже ево стали неосновательные и сумнению подлежащие разглашения, ибо прежде объявлял о своей знатности, называя знатнейших особ друзьями своими; и так все сии—развращенные, как и то, что имея великий кредит (кажетца быть вероятно, по объявле-

нию астраханского губернатора, в котором он посланному от меня знающему у него по-французски спросить господину вышеозначенному полковнику Дебоутберху объявил, что он в деньгах никакого кредита не имеет), а называет себя бедным, якобы для того, нигде что он принц не объявлял.

л. 3

Весь сей ево поступок приемля я во осторожность, а особливо при нынешнем переменном времени, довольно рассуждая, яко с первыми здесь господами полковником Дебоутберхом и подполковником Копытовским, могущим быть иногда не полезным от сего России следствиям по причине объявленного от губернатора || великого кредита, в котором он хотя и запирается, но может быть скрывает или уже и переслал либо в Персию или куда иное место, чем в азиатском народе может сделать иногда непристойное к здешней стороне, да он же как турецкий и персидский, так и армянский язык достаточно знает, за крайне нужное почел ево здесь задержать под претекстом, и, кои не имея повеления в препровождении, конвоя дать не отважусь, а без того в рассуждении объявленного ево достоинства, ежели подлинно и в ожидании об нем указа, которого и он сам как выше значит в Астрахани дожидался, и более отпустить опасен, дабы какого несчастья с ним не последовало, объявля притом некоторые и сомнения, просил ево — пока от астраханского губернатора известие получит, а иногда по неизменно и тамо точного повеления принуждено будет от высшего места — дождатца здесь, а когда уже он остановку свою увидел, угваривал меня разными обстоятельствами, чтоб без задержания пропустить, не требуя никакого конвоя, а когда все ево увещания не имели силы, тогда он сказал: хотя де Вы представлять и будете, только подлинно ведает, что ево пропустить позволят и еще принужден буду я тысячу другую конвоя дать для того, что уже разглашено будет в горах об нем, а наконец, принужден он был по необходимости согласиться ожидать указа. И так он под претекстом для чести ево караулом определен, а в самом деле под присмотром уже находился.

л. 3 об.

Но сего числа, пришед ко мне, просил меня, чтоб ему дозволить возвратиться в Петербург, ибо ему здесь указа дожидаться не желаетца, оставя своих набранных вооруженных людей здесь всех, кроме двух, которые имеют с ним для услуг следовать с прошением, чтоб тем оставшим, ежели он здесь следовать не будет, распустить по их желаниям, но я — как выше значит — будучи уже сумнителен, для того и отправил ево по желанию к астраханскому губернатору с тем, ежели он все означенные сомнения по известным ему обстоятельствам решить может, тогда б отпуск ему учинил, хотя и чрез здешнее место только с основанием, а когда и он в том же сомнении, как и я останетца, то б справясь обстоятельно, подлинно ли он кредит

на деньги такой имел, как в его письме значит и откуда именно, о чем иногда при отпуске его Государственная коллегия иностранных дел и неизвестна, также сами ли кто армяне его признав или по его Эминовому как и здесь разглашению стали наследным своим принцем почитать и не примечено ли и в Астрахани было какое и еще подозрение, он, господин астраханский губернатор, по своему б разсуждению об отпуске его далее или задержав, присовокупя все вышешисанное с сим моим покорнейшим представлением для лучшего разсмотрения в Государственную коллегия иностранных дел представил. И о всем вышешисанном Государственной коллегии иностранных дел сим покорнейше доношу.

Генерал-майор и комендант
АЛЕКСЕЙ СТУПИШИН¹⁰

Пометы:

на л. 1—Получено из секретной экспедиции во 2-ой день октября 1762 года, записать.

На л. 4—Прислано с нарочно присланным царьчинского полку сержантом Ермолаевым сентября в 21 день 1762 г.

№ 2

1762 г. августа 15 — Письмо кизлярского коменданта А. Ступишина астраханскому губернатору В. Неронову о пребывании Иосифа Эмина в Кизляре

Сего августа 9 дня прибыл сюда по паспорту, данному из Астраханской губернской канцелярии, армянин Иосиф Эмин с показанными при сем в том паспорте набранными в Астрахани и вооруженными служителями персической области армянами двадцатью человеками для проезда в Персию. И на другой день, 10 числа вручил мне от Вашего превосходительства письмо, которым изъясняться изволил, что он армянской природы, называемый Эмин, отправился чрез Кизляр в Персию и яко он же Вашему превосходительству рекомендован со многою прозбою от канцлера; а в бытность же в Астрахани армяне признали его за наследного своего принца, да он же де во многих государствах странствовал, а напоследок из Англии приехал в Россию и канцлеру от многих знатных особ рекомендован, а притом и такой кредит ему дан, сколько он потребует денег, то везде получить может, и хотя де он из себя не вилен, только признали его, Ваше превосходительство, весьма умным и потому догадывались, || какие больше пропозиции и дела иметь будет, и для того изволили рекомендовать (так как и Вашему превосходительству он рекомендован) в проезде его показывать бы к нему ласку.

л. 9 об.

Но и здесь, не зная его ни один, а только из Астрахани будучи уведомлены, как сей... народ армянский знак почтения, яко владеющему своему принцу, приходом к нему, целуя руки и ползая на коленях, показывали, что он охотно от них принимал, о чем мне доныне было неизвестно, чрез что все почти армяне к нему обратились и милости от него требовали; я сей его поступок за несходный с его паспортом рассуждая, при том ежели бы и

дозволено было ему сие звание для чего ни есть скрыть, несходно б тогда сего было и принимать, почему оставя в подозрение имел причину обстоятельнее выведать по пристойности.

л. 10

Но чем далее, тем час от часу подозрительнее мне казался, ибо в приход ево для обеда ко мне, когда многие штаб- и обер-офицеры были при всех разговорах, армянскую нацию точно своею называл, тщеславясь, называя многих знатнейших особ в Петербурге своими друзьями, рассказывая и то, что он во время странствования своего был в нынешнюю войну при гап-новерской армии под командою принца Фердинанда, потом против || французов в английском флоте, когда якобы французских сто двадцать кораблей сожжено, а наконец в кистринскую баталию с прусским самим королем и при всем оном, когда мои речи далее ко изведанию клонились, тогда объявил, хотя он примечает, что мне о причине проезда и врученного дела ведать желается, но только он того открыть не может, а известно будет по проезде ево месяцев чрез шесть, и просил меня, чтоб присылаемые от него письма верно в подлежащие места пересылать, а когда еще далее с ним разговор имел и объявил, что я, кроме как от Вас, ниоткуда об нем рекомендации и никакого повеления не имею, тогда он отзывался, якобы вслед его ко мне из Государственной коллегии иностранных дел и от вице-канцлера его сиятельства князя Голицына обещано указ прислать и при том, якобы в разсуждении запрещенного пропуска денег за границу, обнадежен был присылкою товаров и хотя он сего, будучи в Астрахани два месяца, ожидал, но, видя премену в России, поехал из Астрахани, не дождав и здесь не желает продолжитца.

л. 10 об.

А по обеде, при выходе из моей квартиры приказал чрез армянского шквадрона порутчика Сумбатова мне объявить секретно, что он, будучи в Англии, получил родословие, по которому он точно персидский принц да и господину полковнику (который здесь в самарском полку состоит) || Дебоутберху тоже объявил и для того проезд ево скрытний, дабы магомстанцы, уведав о сем, чего с ним сделать не могли, а заедет только к грузинскому владельцу Ираклию повидатца. После того на другой день, будучи я о том в сумнении, был уже у него, дабы и еще достовернее примечать, во всем нашлись некоторые переменные объявления с прибавкою еще тою, что дело, которое зависит в нем, есть и к пользе Российского государства, а наконец только в том признался, что он, хотя и принц подлинно, но для своей бедности никому не объявлял донныне, пока ево армяне за принца не признали и, ведая, как в Европе принцу себя содержать надлежит, чем явны уже ево стали неосновательные и сумнению подлежащие разглашения, ибо прежде объявлял о своей знатности и, называя знатнейших особ друзьями своими, и так все сии—развращенные как и то, что имеет великий кредит (кажется быть вероятно, по объявлению Вашего превосходительства, в котором он посланному от меня знающему у него по-французски спросить господину вышеописанному полковнику объявил, что он в деньгах никакого кредита не имеет), а называет себя бедным и якобы для того, ни где что он принц не объявлял.

л. 11

Весь сей ево поступок приемля я во осторожность, а особливо при нынешнем переменном времени, || довольно рассуждая, яко с первыми здесь господами полковником Дебоутберхом и подполковником Копытовским, могущим быть иногда не полезным от сего России следствиям по причине объявленного от Вашего превосходительства великого кредита, в котором он, хотя и запираетца, но может быть скрывает или уже и переслал либо в Персию или куда иное место, чем во азиатском народе может сделать иногда непристойное к здешней стороне, да он же как турецкий, персидский, так и армянский язык достаточно знает, за крайне нужное почел ево.

здесь задержать под претекстом, яко я, не имея повеления в препровождении, конвой дать не отважусь; а без того в рассуждении объявленного ево достоинства, ежели подлинно, и в ожидании об нем указа, которого и он сам, как выше значит, в Астрахани дожидался и более отпустить опасен, дабы какого несчастия с ним не последовало, объявля при том некоторые и сомнения, просил ево—пока от Вашего превосходительства известие получу, а иногда по неизменно и тамо точного повеления принуждено будет от высшего места—дождатца здесь, а когда уже он остановку свою увидел, уговаривал меня разными обстоятельствами, чтоб без задержания пропустить, не требуя никакого конвоя, а когда все ево увещания не имели силы, тогда он сказал: хотя де Вы представлять и будете, только подлинно ве-
 л. 11 об. дает, || что ево пропустить позволят и еще принужден буду я тысячу другую конвоя дать для того, что уже разглашено будет в горах об нем, а наконец, принужден он был по необходимости согласиться ожидать указа. И так он под претекстом для чести ево караулом определен, а в самом деле под присмотром уже находился.

А сего числа пришед ко мне просил меня, чтоб ему позволить возвратиться в Петербург, ибо ему здесь указу ожидать не желаетца, оставя своих набранных вооруженных людей всех здесь, кроме двух, которые имеют с ним для услуг следовать с прошением, чтоб тем оставшим, ежели он чрез здешнее место следовать не будет, распустить по их желаниям, но я—как выше значит—будучи уже сумнителен, для того при сем отправил по тому ево желанию за присмотром ротмистра Макарова с надлежащим конвоем к Вашему превосходительству с тем, ежели все означенное сомнение по известным иногда и Вашему превосходительству обстоятельствам решить можете, тогда и отпуск ему, хотя чрез здешнее место с ясным об нем доказательством и основанием, позволить можете, а егда в том же сомнении, как я остаться изволите, то благоволите, справясь обстоятельно, подлинно ли он кредит на деньги такой имеет, как в письме Вашем значит, и откуда именно, || о чем иногда при отпуске и Государственная коллегия иностранных дел неизвестна, также сами ли кто армяне ево признав или по ево Эминову как и здесь разглашению стали наследным принцем почитать и не примечено ли в Астрахани было какое за ним еще подозрение, о том по своему рассуждению об отпуске ево дали или задержав, присовокупя все выше писанное, с моим покорнейшим представлением, для лучшего рассмотрения в Государственную коллегия иностранных дел представить, о чем Вашему превосходительству чрез сие сообща прошу посланного с сим ротмистра Макарова с обстоятельным на все оное уведомлением ко мне немедля обратно отправить.

л. 12

У подлинного подписано тако:

Вашего превосходительства государя моего покорный слуга

АЛЕКСЕЙ СТУПНИН

[Канцелярист] Иван Зайцев.

№ 3

1762 г. сентября 4 — Донесение Астраханской губернской канцелярии в Коллегию иностранных дел о пребывании Иосифа Эмина в Астрахани и Кизляре

Сего 1762 года июля 22 дня поданным в губернскую канцелярию армянин Иосиф Эмин доношением объявил, что он в нынешнем году прибыл в Астрахань из Санкт-Петербурга с

данным из Государственной коллегии иностранных дел паспортом, который приложил при том доношении, по коему отпущен он из России в отечество ево в Персию чрез Астрахань и Кизляр, почему он и просил, чтоб ево отпустить из Астрахани в Персию на подводах. И при нем де имеютца служители персической области: армян двадцать человек, по которому доношению ево по определению Астраханской губернской канцелярии означенный армянин Эмиль с теми служителями ево из Астрахани чрез Кизляр в Персию и отпущен.

л. 5 об. А 25 числа августа кизлярский комендант генерал-майор Ступишин к астраханскому губернатору действительному статскому советнику Неронову сообщил, что, будучи об нем из Астрахани уведомлены, ... народ армянский (признав ево за наследного своего принца) показывал ему знак почтения; и он, называя армянскую нацию || своею, рассказывал о себе, что он во время странствования своего был в нынешнюю войну при ганноверской армии, потом против французов в английском флоте и в кистринской баталии с самим прусским королем.

И якобы вслед ево обещано к нему, кизлярскому коменданту, из Государственной коллегии иностранных дел и от вице-канцлера его сиятельства князя Голицына прислать указ; и при том, будто в разсуждении запрещенного пропуска денег за границу, обнадежен был присылкою товаров; и хотя он сего, будучи в Астрахани два месяца, ожидал, но, видя перемену в России, поехал из Астрахани, не дождав и в Кизляре не желает продолжитца.

л. 6 А после секретно объявил, что он, будучи в Англии, получил родословие, по которому он—точно персический принц; и для того проезд ево скрытый, дабы магометанцы, уведав о сем, чего с ним сделать не могли, а заедет только к грузинскому владетелю Ираклию повидатца. Напоследок же признался, что он, хотя и принц, но для своей бедности никому не объявлял доньше, пока ево армяне за принца не признали; что все приемля, он, кизлярский комендант, в осторожность, особливо при нынешнем пременном времени, могущим быть иногда не полезными || от сего России следствиям по причине объявленного в письме к нему, генерал-майору, от астраханского губернатора великаго кредита, в котором он, хотя и запираетца, но может быть скрывает или уже и переслал либо в Персию или куда в иное место, чем в азиатском народе может сделать иногда непристойное к здешней стороне, за крайне нужное почел в Кизляре его задержать под претекстом, яко он, кизлярский комендант, не имея повеления в препровождении, конвоя дать не может, а без того в разсуждении объявленного достоинства, ежели подлинно в ожидании об нем указа, отпустить опасен, дабы какого несчастья с ним не последовало.

И когда он остановку свою увидел, уговаривал его разными обстоятельствами, чтобы без задержания его пропустить, не требуя никакого конвоя, однако, хотя было по необходимости согласился ожидать указа, и под претекстом для чести его, якобы караулом определен, но после просил о дозволении возвратиться в Санкт-Петербург, оставя своих набранных вооруженных людей, кроме двух, которые имеют с ним для услуг следовать. И по тому сумнительству отправлен он в Астрахань за присмотром ротмистра Макарова с надлежащим конвоем и с таковым изъяснением, что ежели || все означенное сомнение по известным иногда здесь обстоятельствам решить можно, тогда и отпуск ему, хотя чрез тамошнее место с ясным об нем доказательством и основанием, позволить; а егда в том же сумнении с ним, кизлярским комендантом, он, астраханский губернатор, останется, то справясь обстоятельно, подлинно ли он кредит на деньги имел и сами ли кто армяне, признав его или от него, Эмина, по разглашению стали наследным принцем почитать, и не примечено ли и в Астрахани какое за ним подозрение, о том по его разсуждению об отпуске его или задержав, присовокупя все вышеописанное с его представлением, для лучшего рассмотрения в Государственную коллегию иностранных дел представить.

Во вторично присланном же сообщении его, кизлярского коменданта, показано, что он, Иосиф Эмин, просил об отпуске оставших его служителей, прибывших с ним из Астрахани, персической области армян, осемнадцати человек за границу—в Персию и Грузию; но откуда они, когда и зачем прибыли и нет ли из них записанных в вечное российское подданство, о сем по достоверной справке, о пропуске их за границу требовал уведомления.

А понеже по вышеозначенному, данному ему из Государственной коллегии иностранных || дел, пашпорту написан он просто армянином и отпущен из Санкт-Петербурга в Персию и, кроме того, он рекомендован к нему, губернатору, от его сиятельства государственного канцлера графа Михаила Ларононовича Воронцова, но в бытность его в Астрахани некоторые армяне леведомо с чего признали его своим наследным принцем и делали ему всякое почтение и сыскались ему некоторые же из армянских купцов свойственники, а английский же купец Рентель ему, губернатору, объявил, что он ему от англичан кредитован в требовании денег, сколько он похочет, у коего англичанина и на квартире он стоял. О чем о всем от него¹¹ и к его сиятельству¹² в ответ июня 26 дня писано, а по рекомендации его и к нему, генерал-майору Ступишину, сообщено в проезде его чрез Кизляр показать ему всякую ласку. А другого известия об нем шоткуда нет и денег ничего он от купца Рентеля,

как он, губернатор, о том ево спрашивал, не потребовал, да и он ему более тысячи рублей дать был не намерен; на посланное же ево, губернатора, письмо от ево сиятельства ответу не получено, и ежели он все то принял во уважение, то совершенно б к предосторожности на ево, губернатора, письмо ответом не оставил.

л. 7 об. Однако же он, армянин Эмин, по возвращении ево || из Кизляра в Астрахань, подал в губернскую канцелярию доношение, объявляя оным, что хотя из Кизляра намерение ево было за границу ехать, но кизлярский де комендант генерал-майор Ступишин, неведомо по какой причине, признав об нем сумнение, отпуском задержал и возвратил за присмотром в Астрахань. И просил, чтобы ево и при нем двух служителей армян — хамаданского Мосеса Богданова [и] константинопольского Степана Ованесова — по тому, данному ему из Коллегии, пашпорту отпустить обратно из Астрахани в Кизляр, а оттуда пропустить за границу; и для безопасного проезда, яко об нем чаятельно за границу разгласилось, дабы не учинено было от тамошнего горского магометанского народа какого злодейственного нападения, дать в препровождение из Кизляра до Осети: конвой, токмо напоследок

л. 8 Сверх того, у губернатора словесно просил себе отпуска в Москву в Государственную коллегию иностранных дел. И для того оный армянин Эмин на данных ему почтовых подводах за собственные ево прогоны из Астрахани отправлен при сем до Москвы в упоминаемую Коллегию иностранных дел; и под претекстом, яко он человек иностранный, послан с ним для препровождения астраханского гарнизона || царцынского полка сержант Петр Ермолаев, коему под езд[у] и под своз отправленных с ним в разные присутственные места доношений и рапортов, выдано прогонных денег на одну почтовую подводку из Астраханской губернской канцелярии, из положенной по расписанию Правительствующего сената на прогоны суммы, из подлежащих до Статс конторы доходов. И притом дано ему, Ермолаеву, секретное наставление, дабы за ним, Эмином, тайно присматривать, чтобы он, мимо Москвы, в другие места и за границу куда проехать не мог. Каково же вышензъясненное сообщение об нем, Эмине, от кизлярского коменданта получено, с оного для рассмотрения Государственной коллегии иностранных дел копия, также и его, генерал-майора, представление в пакете [и] данный ему, Эмину, из Коллегии подлинный пашпорт приложены при сем.

Елико же касаетца до бывших при нем, Иосифе Эмине, в услуге армян осемнадцати человек, кои остались в Кизляре, — все выезжие в разные времена из-за границы для своих рукоделий, промыслов и других нужд и набраны им в Астрахани и

при отпуске отсюда в Кизляр при нем, Эмине, по учиненной с ратгаузом справки оказалось, что они в российское подданство л. 8 об. во || не записаны и дел до них никаких нет, а хотя б были из них и записаны, но и таковых по желаниям отпускать в отечество их по указам позволено. Следовательно, в отпуске их армян за границу никакого сомнения признавать не можно, о чем о всем к нему, генерал-майору Ступишину, и сообщено.

ВАСИЛИИ НЕРОНОВ, ИВАН БЕКЛЕМИШЕВ.
МИХАИЛ ГНЕВАШОВ, ЯКОВ ИГНАТЬЕВ

Пометы:

На л. 5—Получено из секретной экспедиции во 2-ой день октября 1762 года. Записан о секретном деле.

На л. 8 об.—Получено с нарочно присланным царицынского полку сержантом Ермолаевым в 21 сентября 1762 г.

№ 4

1762 г. сентября 5—Решение Астраханской губернской канцелярии об отправлении Иосифа Эмина в Москву

л. 43 По указу Ея Императорского Величества Астраханская губернская канцелярия приказали: понеже по состоявшемуся сего сентября 4 дня во оной канцелярии определению велено присланного из Кизляра при сообщении генерал-майора и коменданта Ступишина армянина Иосифа Эмина по некоторому об нем сумнению отправить до Москвы при доношении в Государственную коллегия иностранных дел, дав ему почтовые подводы за собственные его прогоны и под претекстом, яко он иностранный человек, для препровождения послать с ним ундер-офицера или солдата, того ради показанного армянина Эмина по тому определению послать до Москвы за препровождением едущего из Астрахани в Государственную военную комиссию для определения в армянские полки астраханского гарнизона царицынского полку сержанта Петра Ермолаева, коему сверх того поручить для отвозу посылаемые от Астраханской губернской канцелярии в Правительствующий Сенат и в разные коллегии о интересных делах доношения и репорты, и в рассуждении сего на съезд его дать ему подорожную на одну почтовую подводу и на оную прогонных денег—от Астрахани до Царицына по форпостам на триста семьдесят верст по копейке на версту—три рубля семьдесят копеек, а от Царицына до Москвы на тысячу сорок две версты — по деньге на версту — пять рублей двадцать одну копейку, итого восемь рублей девяносто одна копейка.

В. НЕРОНОВ, ИВАН БЕКЛЕМИШЕВ.

№ 5

1762 г. сентября 6 — Подорожная, выданная Иосифу Эмицу из Астраханской губернской канцелярии, для следования из Астрахани в Москву

- л. 14 Следующему из Астрахани прибывшему из Санкт-Петербурга армянину Иосифу Эмину и при нем служителям армянам же Мосесу Богданову и Степану Иванесову давать от Астрахани до Царицына по учрежденным форпостам казачьих, а от Царицына до Москвы—почтовых, а где почтовых нет—ямские уездные четыре подводы, имея у него двойные прогонные деньги по указу. По прибытии же в Москву явиться ему в Государственную коллегию иностранных дел.

Дана из Астраханской губернской канцелярии с приложением Астраханской губернии печати. Тысяча семьсот шестьдесят второго года, сентября шестого дня.

Е. и. в. Всероссийской моей всемилостивейшей государыни действительный статский советник и астраханский губернатор

ВАСИЛИИ ИЕРОНОВ

Канцелярист Иван Зайцев

Пометы:

- л. 14 об. 1. Сия подорожная в Астраханской почтовой конторе отмечена и в отходящую книгу под № 99 записана сентября 6 дня 1762 года.
Прапорщик Савин Степанов.
2. Сия подорожная в Царицыне при почтовом правлении явлена и в книгу записана под № 306 сентября 12 дня 1762 года.
Кабинет-курьер Иван Шаликин.

№ 6

1762 г. сентября 6 — Секретное наставление астраханского губернского начальства сержанту П. Ермолаеву о наблюдении за Иосифом Эмином

- л. 13 По определению Астраханской губернской канцелярии посылаетца из Астрахани до Москвы при доношении оной канцелярии в Государственную коллегию иностранных дел присланный из Кизляра армянин Иосиф Эмин (о котором оказалось здесь некоторое сумнение к подозрению) и для того под претекстом иностранства его, якобы для препровождения, а в самом деле ради секретного за ним присмотра, определен ты быть при нем до Москвы и на съезд тебе, также и на своз посылающихся с тобой от Астраханской губернской канцелярии в Правительствующий сенат и в разные коллегии об интересных делах доношений и рапортов и прогонные деньги от оной канцелярии выданы.

Затем чинить тебе следующее:

Объявленные посылающиеся о нем, Иосифе Эмине, и другие доношения и рапорты приняв, по данным ему и тебе подорожням отправитца из Астрахани до Москвы на почтовых подводах; и, будучи в пути, поступать с ним как с иностранным человеком со всякою учтивостью и никакого озлобления ему не показывать; и ехать до Москвы надлежащим трактом.

л. 13 об. И пристойным образом накрепко за ним секретно смотреть, не давая о том ему к примечанию никаких видов, дабы он с дороги не мог проехать куда мимо Москвы в другие места или за границу; а при том и от нападения воровских людей иметь крепкую предосторожность; буде же он, Эмин, похочет проехать куда мимо Москвы, то, во-первых, тебе приличными резонами от сего старатца ево отвратить, представляя при том, что и по данной подорожке велено явитца ему в Москве в Государственной коллегии иностранных дел; а если того не послушает и усиливатца будет точно проездом миновать Москву, в таком случае требовать тебе вспоможения у случившихся в городах и в других местах команд.

И по прибытии в Москву, не заезжая никуда, с тем посланным доношением объявить ево в Государственной коллегии иностранных дел в секретной экспедиции, а ежели паче чаяния оной Коллегии в прибытии туда нет, то представить ево, Эмина, в иностранной конторе и требовать отправления или ожидать прибытия Коллегии.

ВАСИЛИИ НЕРОНОВ, ИВАН БЕКЛЕМИШЕЪ.

Канцелярист Иван Зайцев.

№ 7

*1762 г. сентября 6 — Подорожная, выданная сержанту
П. Ермолаеву, сопровождающему Иосифа Эмина
из Астрахани в Москву*

л. 15 По указу е. в. государыни императрицы Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийской и прочая, и прочая, и прочая.

Отправленному от Астраханской губернской канцелярии в Москву в Государственную коллегию иностранных дел в препровождении армянина Иосифа Эмина астраханского гарнизона царицынского полку сержанту Петру Ермолаеву давать от Астрахани до Царицына форпостную, а от Царицына до Москвы почтовую одну подводку, имея у него прогонные деньги

по указу; да в конвой от Астрахани до Царицына конных и вооруженных казаков, а от Царицына до Москвы от места до места проводников по два человека.

Дана из Астраханской губернской канцелярии с приложением оной губернии печати.

Е. и. в. всероссийской моей всемилостивейшей государыни действительный статский советник и астраханский губернатор

ВАСИЛИЙ НЕРОНОВ

Канцелярист Иван Зайцев.

№ 8

1762 г. сентября 16 — Донесение кизлярского коменданта А. Ступишина в Коллегию иностранных дел о пребывании Иосифа Эмина в Кизляре.

1

л. 19 Бывший здесь для проезда в Персию с рекомендацнею от астраханского губернатора господина действительного статского советника Неронова армянин Эмин по неосновательным своим поступкам, дошедшим до подозрения, отправлен по ево желанию под присмотром здешнего терского войска ротмистра Макарова в Астрахань, о чем чрез астраханского губернатора посланным от меня рапортом обстоятельно с подробностью в Государственную коллегию иностранных дел донесено от 14-го числа прошедшего августа сего года. И означенному астраханскому губернатору о всем же том сообщено, на что в ответ от него, губернатора, сообщением и партикулярным письмом мне знать дано.

2

[Во-первых], в бытность де его, Эмина, в Астрахани некоторые армяне, неведомо с чего, признали его своим наследным принцем и делали ему всякое почтение и сыскались ему некоторые же из армянских купцов свойственники; а английский же купец, находящийся в Астрахани, Рентель ему, губернатору, объявил, что он, Эмин, ему от англичан кредитован в требовании денег, сколько он похочет, у коего он и на квартире стоял, и денег ничего он от купца Рентеля, якобы по объявлению сего л. 19 об. купца, не требовал, || да и он более тысячи рублей дать был не намерен.

Во-вторых, означенный подозрительный армянин Эмин ему, астраханскому губернатору, по приезде в Астрахань, сказывал: якобы я ево здесь упрекал, что он будто для пропуска ево за границу десять тысяч ему, губернатору, подарил; а сверх того,

и еще словесно посланному с оным Эмином от меня ротмистру Макарову он, губернатор, сказывал (который и мне по прибытии донес), что означенный же Эмин разглашал, якобы я всех министров ругал и требовал с него от пяти до двухсот рублей для пропуску за границу и, когда он сего мне не дал, то я, поставя его в подозрение, отправил в Астрахань.

И в рассуждении уже сих мне сделанных оскорблений от толь неосновательного и подлого человека (о котором здесь подлинно уже по отбытии его уведомлялось чрез астраханского армянина Власа Павлова, здесь жительствоющего, что он, Эмин, тому лет за тринадцать в Гиляне у армян кашеваром был, а бывший там же в 1748 году в Гиляне консулом Копытовский, что ныне здесь в самарском полку подполковником, признает его сводчиком прибывших тогда в Гилян английских купцов) такими чести противными и опасными несправедливыми о мне разглашениями, которые особливо по заслуженной от е. и. в. моей чести тем несноснее становятся, о чем хотя я и не уповаю, чтоб он, Эмин, в вышнем месте отважился разглашать, но дабы сие ему без достойного воздаяния, а мне без удовольствия не осталось (так же и дабы иногда сии невероятные разглашения от него не могли на меня до сомнения довести таких особ, к которым законы обязывают к повиновению с почтением), и для того || я оставляю от агличан данного ему кредита сколько он пожелает на деньги: для чего при спросе, будучи в подозрении, утаил и на что ему такой кредит вверен, яко не принадлежащему к Англии, также может ли что чрез сие произойти к здешней стороне неполезное, на рассмотрение вышнего места, а только Государственной коллегии иностранных дел, предавая сии поступки и оскорбления на рассмотрение, покорнейше о достойном защищении прошу.

Генерал-майор и комендант

АЛЕКСЕЯ СТУПИШИН

Пометы:

На л. 20.—Прислано из секретной экспедиции в 6 день ноября 1762 года, записать.

На л. 20 об.—Подал ямской канцелярии солдат Оуен Тарасов в 3 день ноября 1762 года.

№ 9

1762 г. октября 30 — Прощение, поданное Иосифом Эмином в Коллегию иностранных дел, о выдаче нового паспорта для проезда за границу (перевод с английского)

л. 18 Как Государственная коллегия милостиво пожаловала ему паспорт для проезду из Санкт-Петербурга чрез Астрахань и Кизляр в его отечество Армению или Персию, то и оным прое-

To the Imperial College of Foreign Affairs

14

The Humble Petition of Joseph Emine Sheweth,

That the Imperial College having graciously granted to him a Passport to take from St Petersburg by way of Archathan, and to pass to his native Country of Armenia or Georgia he proceeded accordingly as far as Ryzan when the Commandant Honorable Major General Mupfint paid no regard to his Passport, and in Reasons unknown to the Petitioner, refused to suffer him to pursue his Journey.

On which Occasion your Petitioner after spending the greater Part of what he had in his Journey the sum was obliged to raise at the Expense of the remainder to this Place to crave the Assistance of the Imperial College - Your Petitioner prays for a new Passport, and an Utage to the Governour of Archathan to send him with a proper Convey to Cabarta or Georgia without passing by Ryzan, and also a Letter recommending him to the Prince of Cabarta who will convey him over the Mountains to Prince Chermine and he also prays that his Passport may include his Servants Arms &c &c that he shall think sufficient to take of the few Armenians who chuse to go to their native Country and your Petitioner as in duty bound shall ever pray &c

Joseph Emine

Зеловатная архивана
Иосифа Эмина позана
30го сентября 1762.

Автограф прошения Иосифа Эмина в Коллегию иностранных дел

хал он даже до Кизляра, где комендант господин генерал-майор Ступишин, несмотря на его пашпорт, а по какой причине, о том неизвестно, не позволил ему, челобитчику, далее продолжать путь свой.

Почему он, челобитчик, издержал большую часть имевшихся при нем денег и прочее в пути своем до того места, принужден достальное число употребить на обратный сюда путь для л. 18 об. испрошения себе помощи у Государственной коллегии || иностранных дел.

И так челобитчик просит о новом пашпорте и об указе к астраханскому губернатору, дабы он отправил его с пристойным конвоем в Кабарду или Черкасы, не проезжая чрез Кизляр; также с рекомендательным письмом к кабардинскому князю, который и препроводит его чрез горы к принцу Ираклию. Еще же просит он, чтоб внесены были в оный пашпорт его служители, оружие и прочее, которых он к себе принять намерен из таких вольных армян, кои пожелают возвратиться в свое отечество.

ИОСИФ ЭМИН

Переводил секретарь Яков Сеназич.

Приписка канцелярии: «Челобитная армянина Иосифа Эмина, подана 30-го октября 1762 г.»

Помета:

Прислано из секретной экспедиции в 31 день октября 1762 года, записать.

№ 10

1762 г. ноября 29 — Паспорт, выданный Иосифу Эмину из Коллегии иностранных дел, для проезда через Астрахань и Кизляр за границу

л. 24 По указу е. и. в. государыни императрицы Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийской и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляется чрез сие, кому о том ведать надлежит, что показателю сего армянина Иосифа Эмина с одним служителем Моисеем Варламовым и со всеми находящимися при нем собственными его вещми отпущен из России чрез Астрахань и Кизляр за границу. Во свидетельство того отпуска и для свободного проезда дан ему сей паспорт за е. и. в. печатью из Государственной коллегии иностранных дел, который пред отъездом отсюда объявить в Главной полицмейстерской канцелярии в Москве.

29 ноября 1762 года.

У подлинного подписано тако:

граф Михайла Воронцов.

Помета¹³:

Таков подлинной пашпорт для отдачи означенному армянину Иосифу Эмину. Принял и расписался Жульфинской компании Иван Лазарев.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Неронов Василий — астраханский губернатор.
2. Воронцов Михаил Илларионович (1714—1767)—государственный деятель и дипломат, один из приближенных Елизаветы Петровны, участник дворцового переворота 1741 г., с 1758 г. был назначен канцлером.
3. Речь идет о Семилетней войне (1756—1763), в которой участвовали почти все европейские страны, в том числе Россия.
4. Фердинанд, герцог Брауншвейгский (1721—1792)—генерал прусской службы, во время Семилетней войны командовал одной из трех колонн прусской армии.
5. Имеется в виду сражение между войсками Фридриха II и русской армией 14 (25) августа 1758 г. при Цорндорфе, после которого Фридрих отошел к Кюстрину.
6. Фридрих II (1712—1786)—прусский король. В ходе Семилетней войны нанес ряд поражений австрийским и французским войскам, но эти успехи были сведены на нет победами русских войск; только благодаря благоприятным для Пруссии политическим обстоятельствам она избежала полного разгрома.
7. Голицын Александр Михайлович (1718—1783)—государственный деятель и дипломат.
8. Имеется в виду дворцовый переворот 28 июня 1762 г.
9. Ираклий II (1720—1798)—с 1762 г.—царь объединенного восточногрузинского государства—Картли и Кахети, государственный деятель и дипломат. В своей политике он ориентировался на Россию, поддерживал тесную связь с представителями армянского освободительного движения.
10. Ступишин Алексей—генерал-майор, в 1762 г. занимал должность коменданта кизлярской крепости, однако уже спустя год был заменен на этом посту генералом Потаповым.
11. Имеется в виду астраханский губернатор В. Неронов.
12. Речь идет о канцлере М. И. Воронцове.
13. Текст пометы является автографом Ивана Лазарева.

**ՄԻ ԷՁ XVIII ԴԱՐԻ ԵՐԿՐՈՐԴ ԿԵՍԻ ՀԱՅ-ՌՈՒՍԱԿԱՆ
ՀԱՐԱՔԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ
(Նուր վավերագրեր Հովսեփ Էմինի մասին)**

Փ. Հ. ԱՆԱՆՅԱՆ

(Ա մ վ ր փ ու մ)

Հրատարակվող վավերագրերը հնարավորություն են բնձնում փոքր-ինչ այլ կերպ և ավելի լրիվ լուսարանել այն իրադարձությունները, որ կապված են հայ ազատագրական շարժման ակնազարկը ներկայացուցիչ Հովսեփ Էմինի 1762 թ. ամռանը Աստրախանում և Ղզլարում գտնվելու հետ: Գրանց միջոցով ճշտվում են Էմինի Աստրախանում և Ղզլարում գտնվելու ժամկետները: Այնուհետև պարզվում է, որ այդ ընթացքում Հովսեփ Էմինի ճակատագրում վճռական դեր է խաղացել ոչ թե Ղզլարի ամրոցի պարետ Ա. Ստուպինիչինը, այլ Աստրախանի նահանգապետ Վ. Ներոնովը: Նվ, ի վերջո, հրատարակվող վավերագրերը վկայում են, որ Էմինը ունեցել է ակտիվ համախոհներ ու զինակիցներ: